

А. И. Резниченко

«ПОГУБИЛ ЧЕЛОВАНЬИЦЁ ХРЁСТНОЕ...»: РАССКАЗ С. Н. ДУРЫЛИНА «ГРЕХ ЗЕМЛЕ» (1919), ЕГО ИСТОРИЯ, КОНТЕКСТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ключевая тема вводимого нами впервые в научный оборот текста — дурылинского рассказа 1919 г. «Грех земле» сформулирована автором в названии, которое отсылает нас к русскому духовному стиху «Непрощаемый грех», образцу духовно-поэтического творчества ереси стригольников (XIV в.). Причины обращения Дурылина к этой теме кроются в самом содержании учения стригольников, повлиявшем и на богословие старообрядчества, в частности на сотериологию нетовцев и бегунов. Историческая параллель между симонией XIV в. и процессами в русской церкви перед Собором 1917–1918 гг. недвусмысленна. Трактовка Матери-Земли как безгрешной заступницы, страдающей от человеческого греха, характерна и для русского духовного стиха, и для поэзии и философии середины — конца 1910-х гг. (например, для С. Н. Булгакова, свящ. П. А. Флоренского, кн. Е. Н. Трубецкого, Н. А. Клюева и Вяч. Иванова и др.). Однако здесь нет еще речи о метафизическом предательстве, грехе непрощаемом. Тема непрощаемого греха появляется в русской философской риторике только после переворота 1917 г. и Гражданской войны, и дурылинский рассказ — одна из первых попыток осмыслить этот факт духовной жизни России.

Ключевые слова: С. Н. Дурылин, русский духовный стих, Гражданская война, грех, покаяние, исповедь.

Этот рассказ, так и не вошедший в ранний прозаический цикл «Рассказов Сергея Раевского»¹, но предполагаемый быть включенным в другой значительный дурылинский проект — «В родном углу», публикуется впервые по источнику: *Дурылин С.* Грех земле (письмо к другу). Рассказ. 1919 // Мемориальный Дом-музей С. Н. Дурылина. Колл. «Мемориальный архив» (далее: МА МДМД). Фонд С. Н. Дурылина. КП–681/10–15². Комплекс документов, относящихся к этому тексту, включает в себя

Анна Игоревна Резниченко — доктор философских наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, и. о. главного хранителя фондов МБУК «Мемориальный Дом-музей С. Н. Дурылина» (annarezni@yandex.ru).

¹ См.: *Дурылин С. Н.* Рассказы, повести, хроники Сергея Раевского. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 49–217 и комментарии к ним.

² Черновой автограф этого рассказа находится в РГАЛИ. Оп. 1. Ед. хр. 185, вместе с черновиками рассказов «Мышья беготня», «Осинка», «Троицын день».

беловой автограф (КП–681/10); две машинописные копии 1919 г. (старая орфография) с рукописной правкой автора (КП–681/11 и КП–681/12) и более поздние копии (предположительно 1940-х — начала 1950-х гг.), сброшюрованные вручную в отдельные «книжицы», что вообще характерно для документов дурылинского архива, прошедших обработку при жизни и вскоре после смерти его создателя и владельца. «Илл.1» Основой для публикации послужил второй, наиболее полный экземпляр машинописной копии 1919 г. (КП–681/12): в автографе (КП–681/10) и в первой копии 1919 г. (КП–681/11) отсутствует последний лист. Это весьма прискорбно, поскольку экземпляр КП–681/11 носит следы очевидной дальнейшей работы над текстом, и в нем нет лакун — места, не разобранные машинисткой, вписаны Дурылиным от руки. Лакуны в КП–681/12 восстановлены по КП–681/10 и КП–681/11 без оговорок, смысловые разночтения внесены в текст по КП–681/11 и отмечены квадратными скобками. Все авторские выделения в авторском тексте разрядкой и подчеркиванием сохранены; текст частично приведен в соответствие с нормами современной орфографии (но оставлено, например: *безсловный*, *безсильный* и под.); авторские особенности правописания некоторых слов (*как то*, *все таки*, *это то*, *легкота*, *отчаявались* и др.) также сохранены.

Адресат рассказа — *Всеволод Владимирович Разевиг* (1887–1924) — философ, ученик Г. И. Челпанова, племянник писателя Михаила Осоргина (псевд. М. А. Ильина), друг и корреспондент Дурылина; человек, для характеристики которого сам Дурылин подобрал емкое и точное определение: «Красным деревом истопили печку. И оно сгорело даже быстрее березового полена»³. В. В. Разевиг учительствовал в Серпухове, затем в Москве. Скончался от удара⁴:

Бывают — или были — поры в русской жизни и культуре, когда дружба была действительным явлением в жизни, таким же действительным, как брак, смерть. Андрей Тургенев — для начала XIX ст., Станкевич — для 30-х — 40-х гг. его — вот общеизвестные лики Дружбы, творящей и сеющей благо на скудной ниве жизни. Но бывают эпохи, когда слово “дружба” кажется ничего не выражающим, и тогда полезно напомнить, — о только самому себе! — что забвеньем таких слов, как “дружба” или любовь, честь или совесть — мы только обедняем

³ Дурылин С. Н. Из старого альбома. Всеволод Владимирович Разевиг [1942] // МА МДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП–525/65. Л. 3.

⁴ Дурылин С. Н. В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 685.

свой словарь, но не колеблем нисколько существования того, что выражено этими словами. <...>

...сначала как будто все сулило ему ту участь, которая и принадлежит, действительно, розовому дереву. <...> Он окончил гимназию с медалью, и поступил в университет на филологический факультет по филологическому отделению, — единственный из всей гимназии. Университет был, пожалуй, лучшей порой его жизни. Его занятия были непрерывны. Комната была заграждена философами в подлинниках. Читалось и изучалось все: от Платона до блаженного Иеронима, от средневековых мистиков до Вл. Соловьева; немцы теснились огромными фалангами *Sämtliche Werke*. Каждое воскресенье он отправлялся на Сухаревку и возвращался с бременем полного Шеллинга, проданного вдовой какого-нибудь филолога, или Плотина, некогда дремавшего в библиотеке ученого московского протопопа. <...>

Он растил дерево своей мысли, и не хотел открывать его никому, пока оно было зерном, ростком, побегом, тонким стволом с немногими листьями. Он ждал, когда оно будет крепко корнем, прочно и могуче стволом, широко и высоко раскидистой благородной дубовой листвой. Мудрено в наше время карликовых березок и чахлах саженцев, на первом году своего прозябания выдаваемых за многошумные рощи, — мудрено в наше преждевременное-сенокосное время взрастить мощный дуб, не подвергая его опасности быть затоптанным или срезанным по второму году жизни. А он растил и растил дуб свой, — и только смерть прервала навсегда его рост. <...>

Были уголки красоты, куда он уходил совершенно неожиданно для всех. Так, он любил отличные духи, но никогда не душился: выдвигал ящик стола, капал на платок пол-капли из граненого флакона, коих множество и ценнейших, хранилось в ящичке, и обонял долгими минутами. Он делал опыты симфонии запахов и умел составлять прекрасные „смеси“ из известных запахов, добиваясь неожиданных результатов <...>

Но он вовсе не был ни эстет, ни декадент⁵.

Перед Пасхой 1919 г. Разевиг приезжал в Сергиев Посад к Дурылину для получения совета у о. Порфирия⁶: «Мой же совет и просьба такие: приезжать тебе сюда и во всем посоветоваться со старцем Порфирием

⁵ Дурылин С. Н. Из старого альбома... Л. 3, 4–5.

⁶ О. Порфирий (в миру Петр Кондратьевич Горшков, 1867–?) — старец и духовник Черниговского и Гефсиманского скитов Троице-Сергиевой лавры.

в Гефсиманском скиту, к которому я обращаюсь всегда и всегда получал лучший и мудрейший совет, всегда устраивавший судьбу мою к лучшему. Коли веришь мне, то лучшего нигде ты не сделаешь ничего, если приедешь сюда. Зову очень»⁷. Исходя из этой переписки и из дневниковых записей конца 1918–1919 гг. «Троицкие 3 аписки», можно датировать рассказ Страстной и Пасхальной седмицами 1919 г.⁸. Психологическое состояние автора рассказа хорошо видно из писем Дурылина к Разевигу этого периода:

Моя жизнь путана, перепутана и запутана, но мне кажется, она приходит ныне к определенному концу. Я не о смерти говорю. Живя здесь четвертый месяц один, я почувствовал, заметил, почти узнал, что к некоему устью устремилась моя река, и, может быть, я очень ошибаюсь, а может быть и нет — это устье недалеко. И тогда все былое станет, должно стать, только воспоминанием, и даже его быть может надо будет устранять от себя. Быть может. И вот перед этим, я как-то остро почувствовал, что должен же ты, с кем столько у меня связано! — знать меня, что такое я сейчас, я живой, я вот живущий как-то, худо ли, хорошо ли, но иначе, чем вы, а прежде и еще так недавно живший...⁹

Итак, несомненно, для Дурылина этот период — период перелома. Важно только понять теперь, какого именно.

⁷ Переписка С. Н. Дурылина с В. В. Разевигом // МА МДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-525/29. Л. 7. И действительно зазвал: «4 суб<бота>. С Таней и Волей в Посад. Таня спит. Воля у обедни. С Волей к Фл<оренским>. Поля у всенощ<ной> у него. Я и Соф<ья> Вл<адимировна>. 5 вос<кресенье>. С Вол<ей> у обедни. Днем с ним к о. Порфирию. Он при Воле принимал — оказательство старчества. Вечер<ом> у нас Розанов. 6 пон<едельник>. Опять с В<олей> у об<едни>. Он уехал с Таней к о. П<орфирию>?» (Дурылин С. Н. Троицкие записки // Наше наследие. 2016. № 118. С. 96). Это записи начала мая (т. е. Страстной седмицы) 1919 г.

⁸ Ср. с финалом рассказа фрагмент дневника: «Сегодня с утра звон. И в „Царя“. Не волны, а облака — густые, непрерывные, вольные, светлые — звона тянутся невидимо по небу, — и по нашему, серому небу, и по тому, которое выше нашего... Звон входит в стихии, в природу, в весну, — растворяется в ней, — сияет, ликует, хвалит Господа, как звезды, воды, ветры... <...> Ныне природа ликует. Церковь вливает в ее о Воскрешем радость — свою: — звон благовествующий в вышине, — и не есть ли он — глас ликования человеческого — посредник между ликованием ангелов и ликованием стихий? Облака звона ширятся, множатся, плывут в безконечном строе, силе и красоте...» (Дурылин С. Н. Троицкие записки // Наше наследие. 2016. № 118. С. 94. Это запись от 7 мая — Светлого Христова Воскресенья 1919 г.).

⁹ Переписка С. Н. Дурылина с В. В. Разевигом... Л. 10.

* * *

Рукописный текст и машинописные его копии 1919 г. не подписаны, на поздних копиях, на титуле и в конце текста указано имя автора — С. Дурылин. На л. 10 об. КП–681/15 приписка рукою предположительно В. Д. Кузьминой — одной из первых серьезных библиографов Дурылина — «войдет». Возможно, речь идет о «вхождении» рассказа «Грех земле» в один из проектов собраний сочинений, предполагаемых к изданию уже после смерти Дурылина, в 1960–1970-х гг., в подготовке которых принимала участие и В. Д. Кузьмина, — и ни один из этих проектов не был осуществлен. Однако достоверно известно, в какой контекст этот рассказ был помещен в конце своей жизни самим Дурылиным. Речь идет о самом, наверное, знаменитом (и самом большом по объему) творческом проекте «болшевского отшельника»: об «Углах», т. е. о корпусе «В своем углу» и «В родном углу». Анализируя структуру «Моих воспоминаний»¹⁰, нетрудно заметить, что «болшевский мудрец» располагает их в хронологическом порядке, но не по дате их написания, а по хронологии тех событий, которые в них описаны. Это этапы духовного пути главного героя повествования, его переправа через «реку времен». Поэтому история о кающемся земле солдате, помещенная *после* воспоминаний о предвоенном переживании «духа музыки» и *перед* размышлением о несуетности мнимо-суетного бытия Московского старца в период расцвета мечевской общины — в 1920-е гг., знаменует весьма важный для alter ego Дурылина — писателя Сергея Раевского — момент.

Смысл этого момента заключен в титульной теме текста — в теме «греха земле». Само название рассказа, да и содержание его, относит нас к русскому духовному стиху «Непрощаемый грех», бесспорно известного Дурылину:

Уж как каялся молодѣц сырой земли
«Ты покай, покай, матушка сыра земля!
Есть на души три тяжкі греха,
Да три тяжкие греха, три великие:
Как первой на души велик-тяжек грех —
Я бранил отца с родной матерью;

¹⁰ Реконструкция проекта описана в кн.: Резниченко А. И. О смыслах имен Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: РЕГНУМ, 2012. С. 374–375.

А другой на души велик-тяжек грех —
Уж я жил с кумой хрёстовою,
Уж мы прижили млáдного отрока;
А третий-от на души велик-тяжек грех —
Я убил в поли брателка хрёстового,
Порубил ишо челованьицё хрёстное!»
Как спрогóворит матушка сыра земля:
«Во первóм греху тебя Бог простит,
Хош бранил отца с рóдной матерью, —
Втогды глупой был, да неразумной слыл;
И во другом-то греху тебя Бог простит.
Хоша жил со кумой со хрёстовою,
Хоша прижили млóдного отрока, —
Втогды холост жил, да неженатой слыл;
А во третьём греху не могу простить,
Как убил в поли братёлку хрёстового,
Погубил челованьицё хрёстное¹¹.

Современные Дурылину исследователи-фольклористы указывали на происхождение этого стихотворения в среде стригольников — духовного движения, возникшего во второй половине XIV в. в Новгороде¹². Вполне допустимо предположить, что причины обращения Дурылина к этой теме кроются не только в глубоком интересе к русскому фольклору, но и в самом содержании учения стригольников, повлиявшем и на богословие старообрядчества, в частности на сотериологию нетовцев и бегунов¹³: «„Поставление на мзде“, или симония, была одной

¹¹ *Варенцов В. Г.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 161.

¹² *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1914. Приложение II: Исповедь земле. В «Богословском Вестнике», журнале, редактируемом свящ. П. А. Флоренским и автором которого в 1916 г. становится Дурылин, была опубликована журнальная редакция этого же исследования: *Смирнов С. И.* Исповедь земле // Богословский Вестник. 1912. Т. 4. № 11. С. 501–537.

¹³ Об этом пишет известный историк старообрядческого движения С. А. Зеньковский: «...нетовцы, которые занимали самое крайнее левое крыло раскола, учили, что „нет ныне в мире ни православного священства, ни таинств, ни благодати“, так как Антихрист уже пришел в мир. <...> В отличие от других старообрядцев не почитали и не имели икон и молились, просто обратившись на восток, как бы поклоняясь востоку. <...> Среди этих нетовцев сохранился обряд исповеди земле, который был распространен среди стригольников XIV века. Правда, исповедь земле была известна и на Востоке, но, кажется, проще вести филиацию этого обычая от русских стригольников Новгорода» (*Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: в 2 т. М.: Институт ДИ-ДИК, 2006. С. 136–137).

из главных причин происхождения секты С<тригольников>. <...> Так как не одни только низшие клирики, но и епископы и митрополиты, по мнению С<тригольников>, поставлялись „на мзде“ и, так как в этом святокупстве принимал участие и сам патриарх константинопольский с его священным собором, то всех их сектанты признавали незаконными. <...> Отсюда они выводили, что не нужно принимать ни учения, ни священнодействия от таких пастырей, что все священнодействия их недействительны. <...> У них было свое крещение; все остальные таинства православной церкви они или отвергали, или понимали своеобразно: вместо исповеди у священников С<тригольников> учили каяться самому, *припадая к земле*¹⁴ (курсив мой. — А. Р.). Историческая параллель между симонией XIV в. и процессами в русской церкви перед Собором 1917–1918 гг. недвусмысленна, и, как участника предсоборных и послесоборных процессов, весьма интересовала Дурылина. Общая же тема оскудения благодати человека и святости первотвари («Матери-Земли») получила свое выражение в поэтическом творчестве Дурылина еще с начала 1910-х гг.:

У земли

Тихо под ветром бесшумным
Клонится колос к земле.
Боже! Дай жить нам, безумным,
Тихо на тихой земле.

Желты над озером кручи,
Дождь закликают стрижи.
Трепетны, нежны, певучи
Песенки спеющей ржи.

Ветер порывом несмелым
Ластится к нежной воде.
Озеро облаком белым
Стынет в студеной слюде.

Интересно, что практика исповеди земле сохранилась фактически по сей день; автор этих строк сама наблюдала ее с конца XX в. и по сей день на северо-западе Тверской области (как и молитву на восток, на восход солнца).

¹⁴ <Б. п.> Стригольники // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. с ил. и доп. материалами. Эл. версия. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>. Режим доступа: свободный.

Дождика радостный лепет,
Говор без горестных слов,
Ржи наклонившейся трепет,
Синих во ржи васильков.

Но прошумит — и бесшумной
Станет и светлой земля.
Боже! Мы в доле безумной —
Праведна только земля¹⁵.

С этим стихотворением уместно сопоставить другое, чуть более позднее стихотворение Дурылина, вероятно, из «Месяцелова» («Народного календаря», примерно 1915 г.) (текст сохранился не целиком):

Плач земли
(*Духовный стих*)

Возрыдается мать-земля, расплачется
Под стопами грешными,
Лик земляной увядает, старится
Скорбью неутешною.
Тут Архангел явится,
Огнелик да радостен,
Скажет Земле-матери белоризец благостен:
— Что тебе печалиться,
Горевать да стариться?
Не лишилась доступа
Ты в чертоги Божии, —
Умоли ты Господа,
Припади к подножию.
Припадает к Господу мать-земля рыдаючи,
Слезно заклинаячи.
Ей Господь отвечает: — Чту, Земля, ты плачешься,
Чту, скорбишь да старишься?
— Аль дождем не вспоена,
Ночью не покоена?

¹⁵ МА МДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП–262/4. Л. 27. Далее следует авторская уточняющая помета: «Заволжье. Дорога в Уткино. VI. 20. 1912». Это стихотворение из неизданного сборника «Небесные пути».

Али солнце тусклое над землею русскою?
Аль туманы сизые
Застелили ризами
Как во гробе сущую
Жизни не имущую?
Али ветры свеяли
Все, что люди сеяли?
Али грозы лютые
Жалят, не жалеючи,
То-ль? хлеба пригнутые,
Тяжким градом сеючи?
Аль скудеют токами,
Замутясь истоками,
Воды твои малые?
Али зори алые
В поймах над покосами
Не блистают росами?
Аль тебе недужится,
Тугой крепкой тужится?
Что же ты болезнуешь
Скорбью лютой слезною?
Отчего, убогая,
Терпишь скорби многие? —
Зарыдала Мать-Земля, заплакала,
Ризу Божию слезами подзакапала,
Говорила Мать-Земля рыдаючи,
Ко Христу ко Свету припадаючи:
— Я дождем, Земля, напоена,
Темью-ночью успокоена,
Солнышко не тусклое
Над землею русскою,
И туманы сизые
Не застлали ризою
Как во гробе сущую
Жизни не имущую¹⁶.

Такая трактовка Матери-Земли как безгрешной заступницы, страдающей от человеческого греха, характерна для 1910-х гг., когда теллурические

¹⁶ Конец сохранившегося текста: Раевский С. [Дурылин С. Н.]. Стихотворения // МА МДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-262/18. Л. 22, 22 об.

мотивы присутствовали в творчестве многих современников С. Н. Дурьлина — и поэтов, и философов (достаточно вспомнить философов С. Н. Булгакова, свящ. П. А. Флоренского, кн. Е. Н. Трубецкого; поэтов Н. А. Клюева и Вяч. Иванова)¹⁷. Однако здесь нет еще речи о метафизическом предательстве, грехе непрощаемом. Тема непрощаемого греха (вариант: всеобщей бесноватости) в разных своих формах появляется в русской философской риторике только после октябрьского переворота 1917 г. и Гражданской войны¹⁸. Не случайно научное освоение и философская рецепция русской народной духовной культуры происходит уже в XX в., преимущественно в культуре русской эмиграции, когда остро встал вопрос и о собственной национальной идентичности, и о метафизических основаниях русской истории. Не случайно, что наиболее точно теллурические мотивы в русском духовном стихе удалось проанализировать только Г. П. Федотову (1935 г.), и стих о «грехе земле» неизбежно попадает в сферу его внимания: «хотя лишь третий грех является непрощаемым, но все три объединяются одним признаком: это грехи против родства кровного или духовного»¹⁹. «Непрощаемый грех» дурьлинского

¹⁷ Краткую библиографию этого сюжета приводит А. Л. Топорков в своих комментариях к «Стихам духовным» Г. П. Федотова. См.: *Топорков А. Л. Комментарии // Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / вступ. ст. Н. И. Толстого; послесл. С. Е. Никитиной; подгот. текста и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Прогресс: Гнозис, 1991. (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения). С. 154–157.*

¹⁸ Примеры: «С Россией произошла страшная катастрофа. Она ниспала в темную бездну. И многим начинает казаться, что единая и великая Россия была лишь призраком...» (*Бердяев Н. А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины / сост. А. А. Яковлева, примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова, А. Келли. М., 1991. С. 250*); «Если бы кто-нибудь предсказал еще несколько лет назад ту бездну падения, в которую мы теперь провалились и в которой беспомощно барахтаемся, ни один человек не поверил бы ему. <...> Все нынешние мелкие, часто кошмарно-нелепые события нашей жизни, вся эта то бесплодно-словесная, то плодящая лишь кровь и разрушение бессмысленная возня всяких „содепов“ и „исполкомов“, все эти хаотические обрывки речей, мыслей и действий, сохранившихся от некогда могучей русской государственности и культуры после бешеной пляски революционных приведений, как последние дотлевающие огоньки после дьявольского шабаша...» (*Франк С. Л. De profundis // Вехи. Из глубины. С. 478–479*). Этот ряд можно продолжать и продолжать.

¹⁹ *Федотов Г. П. Стихи духовные... С. 75.* Анализ этого же духовного стиха — во втором томе англоязычной книги Г. П. Федотова «*The Russian Religious Mind [Русское религиозное сознание]*». Не случайно и то, что именно Г. П. Федотову — после булгаковской софиологии и мариологии — удалось подметить различие между образами матери-сырой земли и Богоматери. Как справедливо пишет С. Е. Никитина, «Богородица сострадает

солдата, которому нет места в декалоге и каноническом исповедальном чине, и есть грех предательства духовного родства, грех метафизического братоубийства, неизбежный в любой братоубийственной войне.

Текст дурылинского «Греха земле» интересен еще и тем, что, по всей видимости, это *первая* интерпретация исходного текста — духовного стиха «Грех земле», опубликованного В. Варенцовым; интерпретация, зазвучавшая столь мощно в культуре эмиграции и в «тартуской» и постсоветской фольклористике, — такого рода. В целом же, истоки антипозитивистской трактовки «народного православия», истоки понимания того, что, словами современного исследователя, «народная вера представляет собой не механическое смешение, не функциональное распределение язычества и христианства (именно при такой ситуации... стоит употреблять термин „двоеверие“...), а нерасторжимый сплав, представляющий качественно иное духовное образование, чем ортодоксальное христианство, сплав, где преображенное язычество стало необходимой частью мировоззренческой системы»²⁰, следует искать здесь. В текстах Дурылина рубежа 1910–1920-х гг., проделавшего в этот период стремительную духовную эволюцию от «культурного язычества», как национально-фольклорного, так и «западнического» толка (вагнерианство), к православной ортодоксии, как и в более поздней прозе, воплощена, безусловно, христианская модель мира в той же мере, в какой она воплощена в русском духовном стихе или духовной притче.

людям, а земля страдает от людей. Богородица — защитница и заступница грешного рода перед Богом. Мать-сыра земля, кормилица и „хлебодарница“, не в силах держать на себе людей „грешных и беззаконных“, обращается к Богу с мольбой покарать их. И если в тексте из сборника Варенцова на просьбу разрешить ей „поглотить“ грешников Господь успокаивает ее сообщением о страшном суде, то в стихе из старообрядческого сборника XX века (Среднее Поволжье) мать-сыра земля сама просит о Суде: она плачет

Перед Господом Богом стоячи,
Суда Божьего Страшна просючи:
Уж ты Господи, сам небесный царь,
Пошли, Господи, своего Суда,
Второго пришествия»

(Никитина С. Е. «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи // Федотов Г. П. Стихи духовные... С. 141).

²⁰ Никитина С. Е. «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи... С. 141.

Сергей Николаевич Дурылин

Грех земле²¹
(Письмо к другу)

В монастыре ударили к вечерне.

Пишу тебе, сидя в своем мезонинчике²² в две комнаты, с розовой геранью на окне, с привычной старой тишиной, до-полна наполняющей мои комнаты. До меня здесь жила какая то старушка. На стенах висят старые генералы в синих рамках и потемневшая олеографическая «Буря» в золотой блеклой раме. Стенные часы одни хрипло шумят в комнате. Колокол зовет к обычной воскресной вечерне, а я вспоминаю то, что рассказывал мне недавно кладбищенский священник. Слушаю колокольный звон и вспоминаю.

В покаянные дни у него на кладбище была всенародная общая исповедь. Кто пойдет исповедоваться к кладбищенскому батюшке? У всякого свой приход²³. Но пришли все таки и каялись: это те — кто

²¹ (с) Мемориальный Дом-музей С. Н. Дурылина. Публикация и комментарии Анны Резниченко.

²² ... *сидя в своем мезонинчике ~ до-полна наполняющей мои комнаты* — В период зимы 1918 — весны 1919 г. С. Н. Дурылин жил в семье гр. Олсуфьевых (Сергиев Посад, ул. Валовая, 8), на правах домашнего учителя М. Ю. Олсуфьева. Тема комнаты не раз возникает в переписке между С. Н. Дурылиным и В. В. Разевигом начала мая 1919 г.: С. Н. Дурылин — В. В. Разевигу: «зову тебя и Юлю (жена В. В. Разевига. — А. Р.) к себе часам к 7 в свою комнату <...> Я ведь знаю, что хорошего есть в „моей комнате“: в ней икона, на которую молилась моя мать, прося, чтобы Спас вразумил меня, заблудшего, в ней портреты людей, у которых я нашел правду, из ее окна видны купола древних соборов, в ней так дивно слышен вековой голос колоколов. И в ней так тихо, светло... Это все не моя только отныне комната, но и твоя» (Переписка С. Н. Дурылина с В. В. Разевигом... Л. 1, 5). В. В. Разевиг — С. Н. Дурылину: «Твоя комната — сейчас для меня последнее прибежище от здешней маяты» (Там же. Л. 6).

²³ *В покаянные дни у него на кладбище была всенародная общая исповедь ~ у всякого свой приход — покаянные дни* — синоним Великого поста. По словарному определению, *исповедь* — «сознание человеком всех своих греховных мыслей и деяний и раскаяние в них, с обещанием исправления, исповедь совершается перед священником в таинстве покаяния» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том. 1. Б/г. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина. Стб. 978). Именным указом имп. Петра I от 1718 г. в практику Русской Православной Церкви были введены так называемые «исповедные ведомости», состоявшие из трех именных списков: 1) прихожане, бывшие у исповеди; 2) не бывшие у исповеди и 3) раскольники. С 1737 г. форма была предельно бюрократизирована: она состояла из 49 граф с 22 заголовками. Наконец, с 1846 г. была введена окончательная форма исповедных ведомостей (отменена, по-видимому,

к кладбищу привыкли, частые хаживатели на милыя могилы, или кто ближе живет.

Знаешь, как идет общая исповедь? Батюшка перечислял грехи по заповедям, объяснял, как чем и кто прегрешает против заповедей и все каялись.

Завидовали? — Да, конечно, завидовали: как не завидовать — у одного много, у другого — нет ничего.

Осуждали? — И осуждали. Грешны. Помним, все помним: «Не судите, да не судимы будете», но не можем, не можем не судить. Осуждали и какая-то проклятая легкость закрадывается в душу, как осудишь: точно, что сбросишь с души, и полегчает. Конечно, это обман, это от дьявола, но падка душа на эту легкоту осуждения. Грешны. Осуждали.

только с Декретом об отделении церкви от государства); они служили для записи всех прихожан, принадлежащих к той или иной церкви. Каждое 1 октября представлялись благочинным в консисторию (см.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том. 1. Стб. 977–978). Протест против бюрократизации таинства покаяния выразился в том числе и в практике *общей исповеди*, возникшей стихийно в конце XIX в.; одним из наиболее известных священников, практикующих общую исповедь, стал преп. Иоанн Кронштадтский. Практика «общей исповеди», как и идеи о необходимости реорганизации церковных приходов, стали особым предметом дискуссий перед Поместным Собором 1917–1918 гг. Заключение Богослужбного отдела Поместного Собора было отражено в докладе «Об упорядочении богослужения»: общая исповедь допускается при большом стечении народа, но с обязательным последующим личным исповеданием (см. об этом: *Кравецкий А. Г.* Проблемы Типикона на Поместном Соборе // Ученые записки Российского Православного университета св. ап. Иоанна Богослова. 1995. Вып. 1. С. 86–87). Практика общей исповеди и сейчас существует в Русской Православной Церкви во время богослужений Великой среды (среда Страстной Седмицы).

Взгляд Дурылина на церковный *приход* был им изложен в предсоборной брошюре: *Дурылин С.* Приход, его задачи и организация. М., 1917. Подчеркивая, что «вопрос о православном приходе и его организации является одним из важнейших вопросов церковно-общественной жизни в новой России. Только при правильно организованной жизни прихода, как основной малой ячейки церкви, возможно преуспевание и развитие церковной жизни вообще» (*Дурылин С.* Приход, его задачи и организация... С. 3). Автор в качестве основных задач прихода видит не только его юридическую самостоятельность (Там же. С. 12–13), но и в первую очередь возрождение церковной жизни изнутри. Чрезвычайно важно, что в рассказе речь идет об исповеди *кладбищенскому* священнику, т. е. священнику, чей подлинный приход — скорее покоящиеся в земле до воскресения вечного, чем живые. Эта интуиция — интуиция всеединства всей твари («тварь к твари тяготеет» — «Жалостник»), выраженная в практике христосования с усопшими, встречается и в «Углах» (см., напр.: *Дурылин С. Н.* В своем углу. М., 2006. С. 581–582).

И воровали, и роптали на Бога, и отчаявались в его силе, и лгали, и гордились... Всякому греху было место, было время, была воля. И все, все сколько ни было в церкви, все [равны] в одном: [в грехе].

До чего подлинно и несомненно это бесспорнейшее из равенств, — равенство, действительно достигнутое, прочное, всеобщее — равенство по греху²⁴. Как тяжело! Вот общность, вот объединение, — и в какой тоске смотришь на себя. Вспоминается горькое слово апостола²⁵: «Единым человеком грех в мире вниде и грехом смерть. И тако смерть во вся человецы вниде, в нем же вси согрешиша» (<Рим 5:12>), — [Слово это] вспоминается с тоской, с отчаянием. О, как чувствуется это горькое братство по греху с каждым, — вот с этой плачущей старушкой в штопанном платке, вот с той худой женщиной с грудным ребенком, вот с тем замкнутым, почти угрюмым мужиком в поддевке, что стоит у старого Николы и смотрит в землю. Все, все в грехе: — и все одно и то же, одно и то же!

И всякому греху свое место в заповедях — тысячелетняя и нерушимые даны ему определения. Мера греха определена — и в течение тысячелетий ею мерит свои падения человечество.

Тут нет власти истории: одно и то же.

Первая заповедь — и плачь, и кайся, что нарушил ее. Вторая — и опять время слезам твоим и сокрушению. И третья, и четвертая, и все десять... Там шла общая исповедь и кончилась, и вдруг один из исповедников — солдат, еще молодой, красивый, сильный, и одет чисто и складно — встал на колени у левого кривоноса и сказал с тоской и скукой тяжкой и давящей в голосе:

- А я еще, батюшка, грешен.
- Так кайся, — говорит священник.
- Я без заповедей грешен. Я земле грешен.
- Может быть, отдельно скажешь?
- Нет, я тут же, где уж все. Со всеми.

Положил фуражку на пол.

— Я земле грешен. Слушал я — в заповедях об этом не сказано, а грех у меня этот есть. Каюсь.

²⁴ ... равенство по греху — В варианте КП-681/10 (автограф) — в грехе.

²⁵ ... горькое слово апостола ~ в нем же вси согрешиша — Рим 5:12. Синодальный перевод: «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили». Лакуна восстановлена по смыслу. В автографе ссылка также отсутствует (дефект листа).

Священник не понимал, не понимали и оставшиеся в храме исповедники, какой этот грех, а солдат мучился, все пытался объяснить и не мог, и все твердил упорно:

— Я земле грешен, каюсь.

И было видно: это то и томит его, это то и есть главный грех, а те другие грехи — крал, обидел, завидовал и проч. — только добавок к этому главному греху.

Покаешься в этом — отпадут и все остальные.

Священник не знал, как ему помочь. Потом догадался:

— Ну, рассказывай, как жил: на земле жил, на земле грешил. Все, что тебя мучает, тут и обнаружится. Говори все по порядку.

— Вот, вот, — обрадовался солдат.

И стал рассказывать всю жизнь — с тех пор, как ушел из деревни на войну. Его жизнь — совсем не его жизнь, т. е. в ней не было ничего отдельного, ничего своего, с другими необщего...

Солдат рассказывал обыкновенную русскую жизнь последних четырех лет.

Ты помнишь строчку современного поэта:

Мы — дети страшных лет России!²⁶

²⁶ Мы — дети страшных лет России! — цитата из стихотворения А. А. Блока «Рожденные в года глухие...» (8 сентября 1914 г.), посвященного З. Н. Гиппиус:

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забить не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое!

Вот это и рассказывал один из таких детей. Назови его, как хочешь: для церкви он — просто грешник, как я, как ты, как все мы.

Он был на войне. Он шел с войны в деревню и опять в город для войны. Он убивал и мог быть убит. Он ненавидел и его ненавидели. Он зарился на вещи, на легкую, богатую жизнь, и добывал ее себе, что то пел, что то кричал, от каких то побед ликовал, чьим то слезам радовался, — и вот теперь [он] тоскует на каменном полу, и в заповедях, на тысячелетия отмеривших меру грехам человеческим, не находил места своему греху, и мучается, безсловный, безсильный сказать, что же он сделал такого, что самое слово не вскрывает томящего греха, он только повторял с тоской²⁷:

— Я землю обидел. Я земле грешен.

Что же он сделал?

Мне припоминается другое время и другое место России. Я не рассказывал тебе об этом. Но вспомнилось при рассказе священника.

Я жил тогда в черноземной полосе России. И было благодатное для хлебов лето, со спорыми, — к времени, — дождями, безбурное, погожее, долгое. Все были в поле. Деревня вымирала от зари до зари. Старики — и те тянулись к хлебу, на полосы. Рожь стояла рослая, важная, тихая... Была жатва — и плодоносящая земля была у всех в думах, в надеждах, в трудах.

Милость Божья! — говорили мужики, глядя на хлеба и крестьясь. Сами люди становились как то добрее от доброты земли. На всем была улыбка сдержанной, но глубокой радости. Бог дал хлеб. Велик час щедроты Божией!²⁸

²⁷ ...слово не вскрывает томящего греха, он только повторял — В варианте КП-681/10 (автограф): и только объявляет.

²⁸ Я жил тогда в черноземной полосе ~ Велик час щедроты Божией! — «Место действия» этой части рассказа — нижегородское Заволжье, место традиционного расселения старообрядцев, — помогает установить другой дурьлинский текст:

«Лето 1915 года на севере и в средней России было ржаное лето. Хлеба стояли высокие и густые. В круглых котловинах, — а их много в полях нижегородского Заволжья, — рожь зыблилась и играла, как ребенок в зыбке. Рожь, как молодая русая богомолка, низко била поклоны до земли и быстро поднималась с нее, стройная и высокая. <...> Урожай — вот что значило все это <...>».

Я шел по меже и вдруг увидел лежащего на меже старика в чистой рубахе, то был Иван Акимыч, церковный староста. Я знал, что он болен.

— Что, Иван Акимыч, на солнышке греетесь? — спросил я, поздоровавшись.

— Да, — отвечал он, — а будто и нет, не то...

Он остановился.

— Что же?

— С землей прощаюсь.

Он помолчал и пояснил:

— Умирать собираюсь.

И вдруг, встав с земли, с трудом, с болью, он сказал мне:

— Радует земля то: ишь, сила какая. Хлеб родила. И умирать не хочется, а пора приходит. Наглядеться на все хочется.

Он опять не на долго замолчал.

— Земле не грешил. Благодарю Бога. Человека обидишь — грех, — ну бывает, и он обидит: грех на грех, обида на обиду, а землю обидишь — вдвое тяжело: она человеку обиды никогда не чинит, а кто ей обидчик, с того Бог взыщет.

— А чем же земле согрешить можно?

— Земля — праведная. Кого земля обидела? кого убила? кого ненавидела? кому позавидовала? Она — ровно, как дитя малое: безгрешная, и коли обидел ее — знай: дитё малое обидел. По земле, по матери, всем бы нам в правде быть, а мы друг на друга воюем.

Иван Акимыч опять сел на межу и указал мне рядом с собой место. Колосья заглядывали нам в лицо. Пахло густым запахом совсем спелой ржи.

— Я съизмальства грамотен — так читал. Кому Каин согрешил, как брата убил? Земле: тогда земля застонала впервой и Богу на человека жаловалась²⁹. И в старые годы, когда недостойные брани

<...> урожай — это была всенародная радость, тихая, сосредоточенная, глубокая.

— Будем с хлебом, говорили все, прибавляя неизменно: если Бог даст убрать...

Но за этим, за радостью о насущном хлебе, была и совсем другая, еще более утаенная и благоговейная радость:

— Уродил Бог. Значит, не до конца прогневили.

Это было знамение Божией милости» (Дурылин С. Н. Начальник тишины // Дурылин С. Н. Русь прикровенная. М.: Паломникъ, 2000. С. 297–298).

²⁹ Кому Каин согрешил, как брата убил? Земле: тогда земля застонала впервой и Богу на человека жаловалась. — Каноническая основа текста: Быт 4:1–11: «Адам познал Еву,

бывали³⁰, земля стоном стонала и плакала и к Богу тот глас землин доходил. А оттого, что междуусобная брань — первый против земли грех. Земля на согласии стоит, и вся тварь божьей воле согласна. А мы враждуем. Так и в церкви: просят от междуусобных брани избавления³¹. Где свара, где усобица — там, знай, против земли грех. А обидеть ее, как дитё, за то Бог взыщет строго.

Иван Акимыч оглянулся.

жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа.

И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь овец; а Каин был земледелец. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его. И сказал Господь Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним. И сказал Каин Авелю, брату своему. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал: чту ты сделал? голос *крови брата твоего вопиет ко Мне от земли*; И ныне проклят ты *от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей* (курсив мой. — А. Р.).

Ср. также: Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. [Выпуск] № 1.2. Как мы умираем:

— Ты кто? Блуждающий в подсолнечной?

— Я нигилист.

— Я только делал вид, что молился.

— Я только делал вид, что живу в царстве.

— На самом деле — я сам себе свой человек. <...>

И солдат бросает ружье. Рабочий уходит от станка.

— Земля — она должна сама родить.

И уходит от земли.

— Известно, земля Божия. Она всем поровну.

— Да, но не Божий ты человек. И земля, на которую ты надеешься, ничего тебе не даст. И за то, что она не даст тебе, ты обагришь ее кровью.

Земля есть Каинова и земля есть Авелева. И твоя, русский, земля есть Каинова. Ты проклял свою землю, и земля прокляла тебя. Вот нигилизм и его формула (Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 582).

³⁰ *И в старые годы, когда недостойные брани бывали.* — В варианте КП-681/10 (автограф): как <недостойные брани бывали>.

³¹ *Так и в церкви: просят от междуусобных брани избавления.* — Тропари и кондаки иконам Божией Матери, Боголюбской Иконе Божией Матери Тропарь, Глас 1: «Боголюбивая Царице, неискусомужная Дево Богородице Марие! Моли за ны Тебе Возлюбившаго и рождшагося от Тебе Сына Твоего Христа Бога нашего, подати нам оставление прегрешений, и мирови мир, земли плодов изобилие, пастырем святыню и всему человеку роду спасение. Грады наша и страны Российския от нахождения иноплемнных заступи и от междуусобных

— А благодать какая! Хлеба то, гляди — медведь медведем стоят! И против сего то враждой идти? О, Господи, помилуй нас грешных!

Я вспомнил этот разговор на меже под июльским солнцем, в тихий страдный час, слушая рассказ священника, о котором тебе пишу.

Солдат с полуслова понял бы Ивана Акимыча, а тот, я думаю, и вовсе без слов понял бы, откуда у солдата тоска и в чем он кается.

Плачет земля. И тяжело тому, кто заставил ее плакать, ведь рано или поздно он поймет это.

Да, она плачет и так бесконечно горестен и беспомощен ее плач! Плачет земля, русская земля, — вот эта обычная, простая наша земля, зеленеющая рожью, убеленная душистой гречихой, синеющая нежным льном, — тысячеверстная родная наша земля! И ее слезы — нам укор, наш грех. Пусть возделываем мы ее, исполняя определенный нам жребий, пусть проводим по ее лицу трудовые борозды, пусть поливаем ее потом, бросая в нее семена, снимая с нее жатву и вновь готовя ее к севу, пусть тяжек труд наш над землей, но ведь и Каин был земледелец, и Каин трудился и лил пот свой над землей — и однако она стонала под бременем причиненных им обид, и она с болью и страданием ощущала его стопы над собой, и с плачем носила его на себе.

«Каин, где брат твой Авель» — слышался над землей гневный глас Божий.

Плакала земля, — ибо что мог ответить на этот вопрос прилежный земледелец Каин³².

Оканчиваю письмо.

Однако, милый друг, грустно на душе.

Стемнело...

За окном тихо и пустынно. Поля начинаются всего через улицу, и когда звонят в монастыре, густой, древний звон расходится по полям

брани сохрани. О Мати Боголюбивая Дево! О Царице всепетая! Ризою Твоею покрый нас от всякого зла, от видимых и невидимых враг защиты, и спаси души наша».

³² Плакала земля, — ибо что мог ответить на этот вопрос прилежный земледелец Каин. — На этом вариант КП-681/10 (автограф) обрывается.

и слышен далеко, за несколько верст и носится в полете ангельском над полями. И верится мне: он кого то позовет оттуда, с полей, кто грешен земле³³, — и приведет его в храм, к алтарю, и бросит на каменный пол просить у Бога слез и покаяния.

Я вслушиваюсь в верный и упорный звон колокольный, и я верю, что он может это сделать: в нем столько благородной силы.

О еже подати в нем благодать, яко да вси слышащий звенение его или во дни или в нощи возбудится к славословию имени святого Твоего.

О еже отгнати всю силу, коварство же и наветы невидимых врагов от всех верных своих, глас звука его слышащих, и к деланию заповедей Своих возбудити тии я, Господу помолимся³⁴.

³³ ...и когда звонят в монастыре, густой, древний звон ~ позовет оттуда, с полей, кто грешен земле — Богословский и эстетический смысл колокольного звона наиболее глубоко и полно раскрыт С. Н. Дурылиным в хронике «Колокола» (1928–1929, 1951) и стихах 1940-х гг. Немногие философские ремарки на эту тему — того же времени — принадлежат В. Н. Ильину (*Ильин Вл. Эстетический и богословско-литургический смысл колокольного звона // Путь. 1931. № 26 (февраль). С. 114–118*) и А. Ф. Лосеву («...никакая симфония не сравнится с красотой и значением колокольного звона. Христианская религия *требует* мифологии колокольного звона. Христианин, если он не умеет звонить на колокольне, или не знает восьми церковных гласов, или, по крайней мере, не умеет вовремя развести и подать кадило, еще не овладел всеми тонкостями диалектического метода. Колокольный звон, кроме того, есть часть богослужения; он очищает воздух от духов злобы поднебесной. Вот почему бес старается, чтобы не было звону» (*Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 104*).

³⁴ *О еже подати в нем благодать, яко да вси слышащий звенение...* — Дурылин цитирует с сокращениями *Ектенью из Чина благословения колокола (кампана)*: «О еже благословити кампан сей, в славу святого Имене Своего, небесным Своим благословением, Господу помолимся. О еже подати ему благодать, яко да вси слышащие звенение его, или во дни или в нощи, возбудятся к славословию Имене Святого Твоего, Господу помолимся. О еже гласом звенения его утолится и утишится и престати всем ветром зельным, бурям же, громом и молниям, и всем вредным безведриям, и злорастворенным воздухом, Господу помолимся. О еже отгнати всю силу, коварства же и наветы невидимых врагов, от всех верных своих, глас звука его слышащих, и к деланию заповедей своих возбудити я, Господу помолимся». Ср. с фрагментом из дневника, цитируемого во вступительной статье.

Библиография

1. <Б. п.> Стригольники // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. с ил. и доп. материалами / URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>. (режим доступа: свободный).
2. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины / сост. А. А. Яковлева, примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова, А. Келли. М., 1991. С. 250–289.
3. Варенцов В. Г. Сборник русских духовных стихов. СПб.: Изд. Д. Е. Кознанычкова, 1860.
4. Дурылин С. Н. Рассказы, повести, хроники Сергея Раевского / сост., вступ. статья и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2014.
5. Дурылин С. Приход, его задачи и организация. М.: Универсальная библиотека. [Народная библиотека. Сер<ия>. Полит<ическая>], 1917.
6. Дурылин С. Н. В своем углу / сост. В. Н. Торопова, предисл. Г. Н. Померанцева. М.: Молодая гвардия, 2006.
7. Дурылин С. Н. Из старого альбома. Всеволод Владимирович Разевиг [1942] // МА МДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП–525/65.
8. Дурылин С. Н. Начальник тишины // Дурылин С. Н. Русь прикровенная / публ., сост., фотогр. и вступ. ст. С. В. Фомина. М.: Паломникъ, 2000. С. 291–334.
9. Дурылин С. Н. Троицкие записки / публ., примеч. и послесл. Анны Резниченко и Татьяны Резвых // Наше наследие. 2016. № 118. С. 82–107.
10. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. / сост. Г. М. Прохоров; общ. ред. В. В. Нехотина. М.: Институт ДИ-ДИК, 2006.
11. Ильин Вл. Эстетический и богословско-литургический смысл колокольного звона // Путь. 1931. № 26 (февраль). С. 114–118.
12. Кравецкий А. Г. Проблемы Типикона на Поместном Соборе // Ученые записки Российского Православного университета св. ап. Иоанна Богослова. 1995. Вып. 1. С. 86–87.
13. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 5–216.
14. Никитина С. Е. «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи // Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / вступ. ст. Н. И. Толстого; послесл. С. Е. Никитиной; подгот. текста и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Прогресс: Гнозис, 1991. (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения). С. 137–153.
15. Переписка С. Н. Дурылина с В. В. Разевигом // МА МДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП–525/29.
16. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том. 1. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, б/г.

17. Раевский С. [Дурылин С. Н.]. Небесные пути // МА МДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-262/4.
18. Раевский С. [Дурылин С. Н.]. Стихотворения // МА МДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-262/18.
19. Резниченко А. И. О смыслах имен Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: РЕГНУМ, 2012.
20. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. [Выпуск] № 1. 2. Как мы умираем // Розанов В. В. О себе и жизни своей / сост., предисл., коммент. В. В. Сукач. М., 1990. С. 582–601.
21. Смирнов С. И. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1914. Приложение II: Исповедь земле.
22. Смирнов С. И. Исповедь земле // Богословский Вестник. 1912. Т. 4. № 11. С. 501–537.
23. Топорков А. Л. Комментарии // Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / вступ. ст. Н. И. Толстого; послесл. С. Е. Никитиной; подгот. текста и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Прогресс: Гнозис, 1991. (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения). С. 154–157.
24. Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / вступ. ст. Н. И. Толстого; послесл. С. Е. Никитиной; подгот. текста и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Прогресс: Гнозис, 1991. (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения).
25. Франк С. Л. De profundis // Вехи. Из глубины / сост. А. А. Яковлева, примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова, А. Келли. М., 1991. С. 478–499.
26. Fedotov G. P. The Russian Religious Mind. Vol. I: Kievan Christianity: the 10th to the 13th. Centuries Cambridge (Mass.), 1946; Vol. 2: The Middle Ages. The Thirteenth to the Fifteenth centuries. Centuries Cambridge (Mass.), 1966.
27. Fedotov G. P., ed. A Treasure of Russian spirituality. Sheed & Ward, New York, 1948.

Anna Reznichenko. S. Durylin's 1919 Story "Grekh zemle" ("A Sin for the Earth"), its History, Context and Interpretation.

The key subject of Durylin's story "Grekh zemle" (1919) is formulated by the author in the Russian title, which refers to the Russian Folk Spiritual Verse "Unforgivable Sin", an example of the spiritual poetry of the *Strigolniki* heretics (14th century). Durylin turned to this subject because of the theology of the *Strigolniki*, whose teachings influenced the theology of the Old Believers, in particular, the soteriology of the *Netovsi* and *Beguny* groups. There is an obvious historical parallel between the topic of simony in the 14th century and the processes in the Russian Church during the period before the Council of 1917–1918. The interpretation of Mother Earth (*Mat'-zeml'a*) as a Sinless Patroness suffering from human sin is also characteristic of Russian folk spiritual poetry and the poetry and philosophy of the 1910's (S. Bulgakov, P. Florensky, Ye. Trubetskoy, N. Klyuev and V. Ivanov). However, we find no discussion yet of metaphysical betrayal, an *unforgivable sin*. The problem of the *unforgivable sin* appears in Russian philosophical rhetoric only after the Revolution of 1917 and the Civil War. This story is one of the first attempts to understand this phenomenon in the spiritual life of Russia.

Keywords: S. Durylin, Russian Folk Spiritual Verse, Civil War, sin, repentance, confession.

Anna Igorevna Reznichenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Russian State University for the Humanities, Acting Archivist for the S. Durylin Memorial House Museum (annarezn@yandex.ru).